

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

Ещё о механических гражданах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2360005

Аннотация

«Судя по количеству откликов справа и слева, заметка „Механическим гражданам“ имела успех „лекарства по недугу“. „Механические граждане“ рассердились, неистово ругаются, грозят мне „судом народа“, а некоторые из них, заграничные, считая себя хитрецами, притворяются, будто бы они страшно обрадованы фактом бытия „механических граждан“ в Союзе Советов. Один заграничный даже напечатал на эту тему статейку, озаглавив её „Благая весть“, хотя какая же благодать в том, что существуют люди, которые сами говорят о себе: „Да, вы правы, – мы безвольны, мы слабы, мы рабы от рождения, терпели татарское иго, терпели самодержавие, терпим большевиков“, – как пишет мне некая дама, одновременно хвастаясь тем, что она „тоже сидела за народ“. Не имею права сомневаться в том, что корреспондентка эта вполне искренно „сидела за народ“, но не могу не напомнить ей, что очень многие „сидели“ за него лишь потому, что надеялись сменить сидевших на шее народа и самим сесть на это место. И не только „сидели“, а, как сказал дон Аминадо, поэт белоэмигрантов, „до изнеможения ходили в народ и обратно“. Радость, вызванная тем, что „механические граждане“ ещё живы и скрипят, вполне естественна у людей,

которые хотели бы видеть весь трудовой народ механически безвольно и безропотно исполняющим их волю...»

Максим Горький

Ещё о механических гражданах

Судя по количеству откликов справа и слева, заметка «Механическим гражданам» имела успех «лекарства по недугу». «Механические граждане» рассердились, неистово ругаются, грозят мне «судом народа», а некоторые из них, заграничные, считая себя хитрецами, притворяются, будто бы они страшно обрадованы фактом бытия «механических граждан» в Союзе Советов. Один заграничный даже напечатал на эту тему статейку, озаглавив её «Благая весть», хотя какая же благодать в том, что существуют люди, которые сами говорят о себе: «Да, вы правы, – мы безвольны, мы слабы, мы рабы от рождения, терпели татарское иго, терпели самодержавие, терпим большевиков», – как пишет мне некая дама, одновременно хвастаясь тем, что она «тоже сидела за народ». Не имею права сомневаться в том, что корреспондентка эта вполне искренно «сидела за народ», но не могу не напомнить ей, что очень многие «сидели» за него лишь потому, что надеялись сменить сидевших на шее народа и самим сесть на это место. И не только «сидели», а, как сказал дон Аминадо, поэт белоэмигрантов, «до изнеможения ходили в народ и обратно». Радость, вызванная тем, что «механиче-

ские граждане» ещё живы и скрипят, вполне естественна у людей, которые хотели бы видеть весь трудовой народ механически безвольно и безропотно исполняющим их волю.

Другой обрадованный пишет так: «Вспомните, что сказано у Ефрема Сирина, – писатель IV века, не марксист: „И возвеселится враг, егда узрит разрушение трудов твоих рукою его, и насытит сердце свое горем твоим“. Едва ли это сказано у Ефрема Сирина, но это знакомая цитата, помнится, я её читал в письмах Святогорца, и кажется мне, что из неё выпало одно слово о сердце – „злое“ сердце. Человек этот убеждает меня „сказать правду“». С удовольствием, вот она: власть должна принадлежать трудящимся, и, хотя это неприятно хищникам, бездельникам и всем, «иже с ними», это неизбежно будет.

«Скептик» убеждает меня: «Чего вы горячитесь? Всё идёт своим порядком, „рак пятится назад“, „щука тянет в воду“, хорошо зная, что она затем и существует, „чтоб карась не дремал“, а безграмотные ваши рабочие скоро очутятся у „разбитого корыта“, так же, как у этого корыта оказалась вся наша интеллигенция – лебедь, который „рвётся в небеса“». Вот я тоже «горел любовью к народу...» Ох, не верю я цитатам и пословицам! Ну, как, например, можно повторять, что «чёрного кобеля не вымоешь добела» после того, как бывшие черносотенцы превратились в «белых», а розовые идеалисты густо почернели, видя, что возлюбленный ими «народ» решительно не желает жить механической жизнью ра-

ба? К тому же: горение есть окисление, а так как гниение тоже окисление, то многие, изгибая, думают, что они сгорают ярким и красивым огнём.

«От какой-то незаметной точки между революцией и культурой начинается трещина, – пишет „Скептик“. – Начинается, ползёт дальше, становится глубже и приводит к тому, что лозунг „культурной революции“ служит источником „уклона вправо“, а понятия „пролетарской революции“, „диктатуры пролетариата“ приобретают характер, враждебный культуре». О чём, о какой культуре идёт здесь речь? О той, которая признаёт за меньшинством право воспитывать – в своих интересах – разум и волю большинства и бессмысленно эксплуатировать его энергию? О культуре «духа»? Чёрт его возьми, этот «дух», если для роста его необходимо существование господ и рабов, необходимо угнетение человека, необходимы кровавые боины!

«Скептик», по его словам, смотрит «на действительность с высоты той башни, на которой человечеством зажжён маяк единой и вечной истины». Лично мне ничего не известно ни о месте, где стоит «башня», ни о «единой и вечной истине». Я думаю, что истины творятся только опытной наукой. Кто-то очень хорошо сказал, что «истина – это орудие познания», а известно, что каждое орудие изнашивается. В наши дни наука опытная выработала новое орудие познания, новую истину: электронную теорию материи, а наука о развитии человеческого общества установила как исти-

ну неизбежность классовой борьбы и необходимость для рабочего класса взять в свои руки политическую власть. Эта неизбежность и эта необходимость доказываются и оправдываются ужасающими преступлениями капиталистического строя. Ни один честный человек не может, не имеет права назвать разумной и культурной жизнь, в которой возможны такие факты, как война 1914–1918 годов. В годы этой войны было уничтожено несколько десятков миллионов рабочих и крестьян, разрушено только в одной Франции 300 тысяч домов и только одна Германия истратила на уничтожение людей свыше 40 миллионов тонн металла (недавно кто-то подсчитал, что на убийство каждого солдата империалистическая война тратила до пяти тонн металла! Вдумайтесь в этот факт, он отлично рисует «мудрость» капиталистического хозяйствования – прим. М. Г.). Если б в 1913 году политическая власть была в руках рабочих и крестьян, миллиарды рублей, истраченные капиталистами России на убийство своих и немецких рабочих людей, на разорение Восточной Пруссии, были бы истрачены так, как они тратятся теперь: на развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта, на культурное развитие трудового народа. Чего ради начата была эта гнуснейшая война? Ради интересов небольшой кучки тупоголовых миллионеров, ради удовлетворения их жадности, их ненасытного стремления к роскоши. И вот – ссора небольшой кучки хищников и паразитов приводит ко взаимному истреблению рабочих людей, одинаково несчаст-

ных во всех странах, – людей, у которых всюду один и тот же враг – капиталист.

Разумеется, это всем понятно, это – «азбучные истины», но я не виноват в том, что их надобно напоминать. А напоминать их надо потому, что капиталисты снова хотят заработать на крови трудового народа, снова готовятся послать миллионы рабочих и крестьян на взаимное истребление. Эта новая война будет ещё более кровавой и разрушительной. Снова будут превращать города в груды мусора, снова испортят, разоруют, отравят трупами сотни и тысячи квадратных километров плодородной земли, вырубят и выжгут леса. А ведь всё, что построено на земле, принадлежит тем, кто строил, а не тем, кто заплатил за работу построения деньгами, нажитыми на труде рабочих и крестьян. Всё на земле создаётся их трудом, и главное несчастье мира, источник всех его страданий, преступлений и горя трудовых людей в том, что крестьяне и рабочие в массе своей всё ещё слепы, всё ещё не понимают по слепоте своей, что, если они крепко, дружески объединятся, – им легко будет сбросить со своей шеи капиталистов, которые давно уже перестали быть людьми, а становятся всё более хищными и кровожадными животными.

Разумеется, всё это я говорю не для «Скептика», а для той молодёжи, которая в городе и деревне идёт на смену старой гвардии большевиков – людей, которые приставили огромному телу рабочих и крестьян Союза Советов хорошую го-

лову – партию.

«Скептик» – это «лебедь», чёрный лебедь, он «рвётся в небеса». Он, в сущности, не столько «скептик», как романтик. Он – весь в чужих словах, среди них немало старинных, когда-то «мудрых» и до сего дня очень красивых слов. Но «мудрость» его внешняя, она наклеена на нём, как обрывки старых афиш на столбе или заборе. Он пишет: «Рабочие, которым вы служите если не из выгоды, то по недоразумению, никогда не воссоздадут той духовной культуры, той красивой жизни, которую они разрушили». Он – пассивный романтик. Пассивный романтизм – это романтизм усталых мещан, он всегда является на сцену жизни после бурных общественных трагедий и на смену активному романтизму, который обычно предшествует революциям. Пассивный романтизм является под ручку с богом, одним из главных козырей его политической игры. В нём есть некая лирическая и соблазняющая юность «красота», вернее, красивость словесных узоров, и он весьма похож на плесень, хотя плесень относится не к политике, а к микологии, науке о грибах. Но пассивный романтизм всё-таки политика, – мы живём всё ещё в условиях классового общества, а в этих условиях, как известно, нет ничего, что было бы «вне политики».

Приятно зелёная плесень пассивного романтизма имеет целью своей реставрацию, проще говоря – ремонт личности, разрушенной в самом корне, раздвоенной в самой основе своего «я» даже тогда, когда эта личность, столь гранди-

озна, как Лев Толстой. Пассивный романтизм полагает, что если вытолкнуть личность из сферы задач и вопросов социальных, погрузить и углубить её в капризную игру её чувствований и мыслей о себе самой, то этим самым в стороне от жизни личность обретёт утраченную цельность, «внутреннюю гармонию». Но, отводя личность к себе самой, пассивный романтизм только углубляет процесс раздвоения и разрушения личности.

Наивно думать, что возможна гармоническая «красивая жизнь» при отвратительных и неустранённых условиях классового общества, при условии всеобщей анархической борьбы, при наличии зависти, жадности, подневольного и – часто – бессмысленного труда. Нелепо и бесстыдно думать, что кто-то – кто бы он ни был – имеет право строить себе уютное гнёздышко для красивой личной жизни в те дни, когда социальная жизнь становится всё более откровенно цинической, грязной, отравленной многообразными преступлениями против человека.

Мещанское содержание того пассивного романтизма, который сейчас постепенно, осторожно развивается в Союзе Советов, совершенно ясно. Романтизм этот ползёт по двум параллельным путям: по одному – к самоуглублению личности в свой мирок, в своё микроскопическое «я», по другому – к идеализации труда серпа и плуга, к идеализации труда, который ставит целью себе возрождение и развитие дешёвенькой, уютненькой, индивидуальной собственности.

Тут – не только поэзия, но и соображения удобства, потому что на шее крестьянина безопаснее, удобней сидеть, чем на шее рабочего. Героический труд молота, который куёт действительно новую, коллективную жизнь, органически чужд и даже враждебен пассивному романтизму мещан, любителей «красивой жизни» и «духовной культуры».

Один из «культурных» наших людей, раньше – когда это было в моде – причислявший себя к революционерам, а впоследствии черносотенец, сказал в минуту откровенности:

– В сущности, какая у нас духовная культура? У нас – кабацкая культура: цыганские песни, венгерские скрипки и вообще – кабацкий романтизм. Существует небольшая группка людей, которые о чём-то философствуют, но еврей Гершензон чувствует подлинную Русь лучше русского.

На мой взгляд, в этих словах есть значительная доля правды. О «кабацком романтизме» сказано хорошо, он – что-то специфически русское. Чем сентиментальней «романтический» вой, тем оглушительнее действует он на людей ресторанной культуры. И невольно думаешь, что главным содержанием «красивой жизни», которую эти люди ныне оплакивают, наиболее вкусной духовной пищей их была именно пёстренькая, слащавая грязिशка дорогих кабаков, – грязिशка, которую люди эти сами же восторженно и творили. И, эмигрировав, они оказались наиболее способными к ресторанной деятельности, к песням с «тоской» и пляскам с удалю.

Романтизм людей этого типа ещё ниже, ещё жалобнее романтизма моего нижегородского соквартиранта Николая Пряхина, почтово-телеграфного чиновника. Сей рыжий юноша, скромный и всегда чисто вымытый, аккуратно одетый, посмотрелся потрясающих и бездарных драм Невежина, Шпажинского, вообразил себя безнадежно влюбленным в актрису и решил прервать свою рыженькую жизнь.

Он пожелал сделать это «красиво». Достал бутылку из-под шампанского «Клико», наполнил её пивом, вынул из киота бумажные цветы, украшавшие икону, разбросал их перед собой по столу, выпил стакан пива, выстрелил в правый висок свой из револьвера Лefоше и, ослепнув на оба глаза, остался жить.

Рассказывая об этом своём геройстве, он добавлял:

– Вот какая насмешка коварной судьбы.

И осторожно щупал палочкой землю вокруг себя, глядя прямо на солнце, невидимое ему.

Некоторые из «механических граждан» упрекают меня в том, что будто бы я искусственно подбираю цитаты из глупых писем, а мудрые «обхожу молчанием». Это – неверно, граждане! Я очень внимательно читаю все письма и усердно ищу в каждом «признаков объективной истины». Но – или её нет, или я действительно так «плохо воспитан», что мне «истина химически несродна».

Вот предо мною огромное письмо – десять страниц не

почтовой, а писчей бумаги, исписанной мелким почерком; на чтение такого письма нужно затратить по меньшей мере двадцать минут. Оно подписано: «Сибиряки», значит – «коллективное». Это усиливает его значение и моё внимание к нему. Однако речь его ведётся от первого лица, – от «я», а не от «мы».

«Пишу вам совершенно честно, не в целях обрызгать рвотной слюной колоссальную, героическую работу СССР. Не знаю сам, кто я – механический гражданин или какой-то другой квалификации. Сейчас я на советской работе. Но подошёл я к ней после отрицания её.»

Прочитал я это и подумал: «Наконец что-то серьёзное!» Но – увы! Дальше следует знакомое и надоевшее:

«Народные массы шли за большевиками благодаря провокации в тылу Колчака таких героев, как пресловутый Анненков. Ему бы большевики должны поставить памятник, так как он и ему подобные завоевали Сибирь для большевизма. Эти мародёры клики Пуришкевича мечтали сразу свалить и большевиков и другие революционные партии, чтобы восстановить самодержавный сапог, и в этом духе работали, как только где-нибудь дорывались до власти.»

Если допустить, что это «истина», так это будет истина только эсеровской фабрикации, а эсеры, кажется, даже и сами убедились, что они хотя и обильно, а всё-таки плохо фаб-

рикуют «истину».

Далее «Сибиряки» сообщают, что «большевизм выполняет волю и желания Керзонов», затем идёт критика советского строительства, переписанная довольно подробно из эмигрантской прессы, затем грустные размышления о судьбе интеллигенции, которая «в огромном большинстве своём против СССР не потому только, что она – интеллигенция – продажна и служит тому, кто больше заплатит, – это огульное обвинение – глупость, которую, конечно, понимают большевики, – а, очевидно, потому, что есть что-то в СССР, что никак не даёт ей примириться с этим строем, хотя в конце концов советское правительство начинает платить интеллигенции сравнительно неплохо».

Это пишет интеллигент, точно указавший свою принадлежность к определённом политико-литературному органу. На мой взгляд, нехорошо он пишет. И едва ли советская интеллигенция скажет ему спасибо за эти – мягко говоря – неумные строки.

«Гибнет Россия по вине большевиков, – вот о чём вы должны писать», – рекомендует мне другой «печальник о горе народном». «Железа не хватает, угля не хватает», – кричит он.

Говорят, что в Европе железа осталось на шестьдесят лет, угля – на семьдесят пять и что европейская промышленность очень встревожена этим. Мне кажется, что большевики не повинны в том, что капиталистические государства

тратят сотни миллионов тонн угля и металла на броненосцы, пушки, снаряды, на самозащиту и что благодаря войнам земля наша становится всё более нищей. Это распыление драгоценного металла и сжигание топлива кучкой капиталистов-анархистов, в сущности, одно из самых отвратительных преступлений против трудового народа. Был у нас замечательный, но мало известный – потому что был своеобразен – мыслитель Н. Ф. Федоров. Среди множества его оригинальных домыслов и афоризмов есть такой:

«Свобода без власти над природой – то же, что освобождение крестьян без земли». Это, на мой взгляд, неоспоримо.

Капиталистический строй добивается власти над силами природы только для того, чтобы укрепить свою власть над источником живой силы – над физической силой трудового народа.

Рабоче-крестьянская власть Союза Советов ставит перед собой иную цель: переработать возможно большее количество физической силы рабочих и крестьян в разумную, интеллектуальную силу и влиянием этой силы ускорить процесс подчинения всех энергий природы интересам трудовой массы, освобождения её от бессмысленного, каторжного труда на капиталистов. Разграблено железо, разграблен и сожжён чёрный уголь, во вред трудящимся тратится жидкий уголь – нефть – и белый – электричество, серый – торф, зелёный – дрова, солома; но остаётся ещё много углей, пользоваться которыми капиталистический строй не научился: это

голубой уголь – ветер, синий уголь – морские приливы и отливы, красный уголь – энергия солнца. Всё это – источники энергии, которых хватит на тысячелетия. Необходимо, чтобы пользование этими энергиями было изъято из-под власти хищников, которые рассматривают физическую силу рабочих тоже как уголь и сжигают её для укрепления своей преступной деятельности, – эта деятельность преступна потому, что истощает сокровища земли – сжигает, распыляет их только ради укрепления своей власти над рабочими, крестьянами, а также над технической, научной и над всякой иной рабочей интеллигенцией.

Я вижу, что рабоче-крестьянская власть хорошо понимает всё это, вижу, что она смело работает в этом направлении.